

„Socialistisches Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix en France, Belgique, Tchécoslovaquie 3 fr.
Preis in Deutschland und sonstigen Ländern 0.70 pf. (4 fr.)

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 13 (369)

16-й г. издания

Подписная плата для Франции: в год 80 фр., на ½ г. — 40 фр., на ¼ г. — 20 фр., отд. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр. За перем. адр. — 1 фр. Контора и ред.: 141, r. Broca, (Square Albin Cachot, bât. 11), Paris (13e) Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам редакции ежедн., кроме суб. и воскр., от 11—1 ч.

10 Июля 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: После Женевы.
А. Югов. Совет тяжелой индустрии.
Новая конституция СССР:
П. Гарви. Новая конституция и партийная диктатура.
В. Александрова. Народ обсуждает конституцию.
С. Ш. Отто Бауэр о советской конституционной реформе.
Р. Абрамович. Первый месяц эксперимента Блюма.
С. Шварц. Уроки демократизма.
По России: Письмо из Москвы: Конституция и гениальность Сталина. — Старые большевики превращаются в стали-

нистов. — Сталин учится. — Перед войной. — Увеличение добычи золота. — Интерес к правительству Блюма. — Новые гонения на ссыльных социалистов. — Впечатления американского рабочего.
Впечатления американского рабочего: Далеко еще России до Америки. — Лже-стахановщина. — Низкий уровень жизни. — Низкая заработная плата. — Очереди на ситец и ботинки. — Большое неравенство. — Неприступность советских сановников.
Почтовый ящик. — От редакции.

ПОСЛЕ ЖЕНЕВЫ

В «Учредительном Адресе» Первого Интернационала, написанном Карлом Марксом, говорится, что в области международной политики мировой социализм будет стремиться к тому, чтобы отношения между народами и государствами определялись теми же простыми и ясными законами морали, что и отношения между людьми. В переписке между Марксом и Энгельсом имеется указание на то, что именно эта фраза принадлежит не Марксу, а навязана ему, отчасти против его воли, французскими делегатами. Если это верно, то это будет лишним доказательством тому, что Маркс в своих предвидениях и лозунгах был гораздо более реалистичен и прозорлив, нежели идеалистические социалисты его времени. Если под углом зрения «простых и ясных правил» общечеловеческой морали посмотреть на то, что спустя 72 года после издания «Учредительного Адреса», было проделано в Женеве на Совете Лиги Наций представителями 52 народов, то будет от чего притти в отчаяние самому большому оптимисту, будет от чего потерять всякую веру в человеческий прогресс.

Мыслима ли в сколько-нибудь цивилизованном государстве современного мира такая картина: большой, до зубов вооруженный верзила, среди бела дня, на глазах у всего честного народа останавливает на улице не-большого тщедушного прохожего, и начинает его гра-бить. Вмешиваются прохожие, зовут полицию, полиция при-

водит грабителя в суд, на суде 52 присяжных выносят грабителю единодушно приговор и постановляют применить к нему «санкции». Суд расходится и... верзила снова спокойно принимается за свою жертву, на глазах у полиции и у судей «приканчивает» ее и беспрепятственно присваивает себе все его имущество. Полиция бездействует. А суд? А суд, снова собравшись в полном составе, постановляет, что так как убитого все равно не воскресить, то лучше всего с убийцы снять санкции и пригласить его занять почетное место среди судей!

Такая ситуация, поскольку речь идет об отношениях между отдельными людьми, может показаться фантазмагорией. Но разве не буквально то же самое — в переводе на язык отношений между народами — было проделано сейчас так называемым цивилизованным миром по отношению к Италии и Абиссинии? А ведь среди государств, принявших участие в недостойной и чудовищной трагикомедии, были не только капиталистические хищники, руководимые эксплуататорскими классами, — тут сидели и глубоко демократические государства, управляемые социалистами, тут было правительство Леона Блюма, тут участвовал и представитель Совнаркома Союза Советских Социалистических Республик, «первой в мире республики рабочих и крестьян». Но ни датские или норвежские социалисты, ни Леон Блюм, ни Литвинов не протестовали против снятия

санкций с Италией. Наоборот: Советская Россия принадлежала к числу первых государств, поставивших вопрос о снятии санкций.

Из сообщений печати, в частности из сенсационных разоблачений Винстона Черчилля, мы знаем теперь, каким образом и какие санкции применялись к Италии. Не «комитет 18-ти», специально избранный Лигой Наций для проведения санкций, фактически определял и назначал санкции. Даже не так наз. великие державы решали в последней инстанции вопрос о санкциях. Последнее и решающее слово по вопросу о применении санкций против Италии принадлежало — самой Италии! Не кто иной, как Муссолини, своими заявлениями о «приемлемости» или «неприемлемости», решал судьбу тех предложений, которые вносились в комитет 18-ти. Достаточно было заявления Муссолини о том, что та или иная мера составит для него «казус белли», для того чтобы эта мера не применялась. Он «не позволил» наложить запрет на нефть, металлическую руду, хлопок, каучук, он не позволил закрыть Суэцкий канал или устроить блокаду в Красном море. И 52 государства во главе с Францией, Англией и Советской Россией, смиренно подчинились. Советская Россия исправно продолжала снабжать Италию бакинской нефтью, хлебом, марганцем; английские нефтяные фирмы организовали снабжение итальянских войск в Абиссинии нефтью из британского Судана; французская железная дорога, соединяющая Джибути с Адисс-Абейбой, в то же самое время категорическим образом отказывалась провозить какие бы то ни было военные припасы для Абиссинии. И лишь те санкции милостиво разрешил Муссолини, которые, ни в какой мере не препятствуя его военным действиям в Абиссинии, лишь несколько стесняли повседневную жизнь населения в самой Италии. Стесняли ровно настолько, чтобы дать Муссолини удобный повод для националистической демагогии, для разжигания патриотизма, для усиления вражды против западно-европейских демократий, собирающихся-де подвергнуть бедную Италию голодной блокаде...

Эта лицемерная игра продолжалась до самого конца. И когда в Женеве, при общей подавленности делегатов, не осмеливавшихся смотреть прямо в глаза несчастному негусу, обманутому и преданному 52 самими цивилизованными государствами мира, вырабатывали резолюцию, которая должна была снять с Италии санкции, сохраняя какую-то видимость осуждения захватнической политики Италии, то — как разоблачила хорошо осведомленная корреспондентка «Эвр» Женева Табунс — в редакции этой резолюции Совета Л. Н. деятельное и до известной степени решающее участие принимал опять-таки Муссолини. С раннего утра и до поздней ночи работал междугородный телефон Рим-Женева, и десяток различных проектов и поправок был предложен делегатам в результате этих телефонных разговоров...

Муссолини, как верховная инстанция в вопросе о применении санкций к Италии. Муссолини — как главный редактор резолюций Л. Н. по вопросу о итальянско-абиссинском конфликте! Подлинно: трудно не писать сатиры!

Мы уже упомянули о том, что в этой игре вынуждены были принять участие и Франция, и Сов. Россия. Это лучше всего доказывает, что бывают такие объективные обстоятельства, против которых бессильны и политические симпатии и даже социальный строй страны.

Объективно — сила Муссолини, заставившая склониться перед его волей всю Европу, заключалась не в его собственной военной или политической мощи, а в лавинообразно нарастающей силе коричневых легионов гитлеровской Германии. Страх перед военными замыслами стремящегося к мировой гегемонии нео-гер-

манского империализма парализовал сопротивление против менее опасных для мира колониальных авантюр итальянского фашизма и заставлял страны, наиболее заинтересованные в отпоре гитлеризму, если не прямо искать активной поддержки Муссолини, то по меньшей мере стремиться к его «нейтрализации». Правда, эта тактика «меньшего зла» в применении к итальянскому нападению на Абиссинию имела своим ближайшим результатом почти полное уничтожение последних остатков престижа Л. Н. Наглая выходка данцигского представителя Грейзера, явно заказанная Гитлером, с предельной наглядностью перед всем миром продемонстрировала всю глубину падения этого «высшего ареопага народов». Но «язык», показанный всей Европе данцигским наци, продемонстрировал и другую, не менее важную истину: он показал, где основной и реальный источник военной опасности, откуда исходят и будут все больше исходить покушения на установившееся в мире равновесие. «Гитлер у ворот», — вот почти физическое ощущение, которое создается во всем мире под влиянием жевенских событий. Его трагически подчеркнуло — под особым аспектом — самоубийство частного журналиста Люкса...

Гитлер у ворот: это, наконец, начинают сознавать и в той самой Англии, которая еще не так давно готова была вину за европейскую «разладицу» взваливать на «непримиримость» Франции.

Гитлер у ворот: в этом, по существу, квинт-эссенция и речи Блюма, хотя в ней, с внешней стороны, по адресу германского правительства не было сказано ни одного резкого слова. Но все конкретные заявления Блюма, приобретающие особое значение в устах столь искреннего и последовательного пацифиста, были направлены по совершенно определенному адресу. Когда он, в форме, не допускающей никаких кривотолков, говорил о «неделимости мира», или когда он, подчеркивая каждое слово, указывал, что Франция не останется пассивной и слабой, когда речь будет идти уже не о рейнской области, являющейся в конце концов все же германской территорией, а о нарушении границ Франции или тех дружественных держав, которые с Францией связаны взаимными гарантиями, — тогда ни в ком из слушателей не осталось ни малейшего сомнения в значении подобных обязательств, в устах человека, которого до сих пор никто еще не обвинял в двоедушии или неискренности.

Вся мировая пресса единодушно отмечает благоприятное впечатление, произведенное в Англии речью Блюма: общественное мнение Англии, настроенное крайне пацифистски, с недоверием относившееся до сих пор к самым миролюбивым заявлениям французских политиков реакционного или националистического склада типа Лавалля, поверило Блюму, поддавшись влиянию его проникнутого столь глубоким пафосом мира красноречию. На трагическом заседании в Женеве, где было похоронено столько иллюзий, зародилось психологическое сближение между Францией Народного Фронта и пацифистской Англией, которая начинает понимать всю опасность германского фашизма для дела мира. Но речь Блюма вызвала ведь восторги и у Литвинова, подбуждавшего к Блюму после его речи с горячими поздравлениями. Блюм становится мостом между Лондоном и Москвой в деле охраны мира и отпора воинственным замыслам гитлеризма.

Таков положительный момент печального в общем женеваского заседания. Ложка меду в бочке дегтя...

**ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!**

Совет тяжелой индустрии

Только что закончивший свои работы Совет при Наркомтяжпроме не только подвел итоги работы тяжелой индустрии за первое полугодие 1936 года, но и подверг серьезному обсуждению наиболее важные вопросы, стоящие перед основными отраслями тяжелой индустрии.

Темп роста тяжелой индустрии в 1936 году (37%) превышает размеры, намеченные планом (26%), и руководители НКТП полагают, что еще в 1936 году будут достигнуты нормы последнего года второй пятилетки.

Валовая продукция тяжелой индустрии в первом полугодии 1935 года возросла на 24,8%, а в 1936 году на 37,4% к соответствующему полугодию предыдущего года. Производительность труда в первом полугодии 1935 года возросла на 15,5%, а в первом полугодии 1936 года на 30,1% по сравнению с уровнем соответствующих полугодий предыдущих лет. В то время, как валовая продукция возросла на 37%, число производственных рабочих возросло на 6%.

Уменьшилась и себестоимость, хотя она еще не достигла уровня намеченного планом. Значительно улучшилось и качество изделий, хотя и в этой области нормы еще не достигнуты.

Но, в отличие от 1935 года, в росте отдельных отраслей тяжелой индустрии опять определились диспропорции: в то время как, напр., нефтедобывающая промышленность возросла на 10,6%, нефтеобработывающая выросла на 42,6%. Но особенно важно, что в то время, как вся промышленность в среднем возросла на 37,4%, каменноугольная выросла лишь на 25,7%, а все топливные отрасли в среднем лишь на 24,2%.

В этом году Совет прошел под знаком борьбы за более высокую техническую культуру. В отличие от победного настроения, характерного для прошлогоднего Совета: «обогнали Европу, скоро обгоним и Америку», на этом пленуме доминировало серьезное понимание того, что не только что у Америки, но и у передовых европейских стран надо еще многому учиться, особенно в области организации и рационализации производства.

Один за другим хозяйственники, побывавшие за границей рассказывали о новых машинах, о новых методах, о новых нормах выработки, появившихся в Англии, Германии и С. А. Ш. за последние 2-3 года.

Орджоникидзе очень зло высмеял одного из руководителей цветной металлургии, уверявшего, что завод уже перегнал Америку, когда в действительности и нормы выработки и производительность труда были в два раза ниже американских. «Ты перегнал Баймак» (сравнивающийся советский завод), а не Америку! На кой черт нам нужно подобное хвастовство!» — воскликнул темпераментный нарком.

Детальнее всего Совет занимался вопросами стахановщины. И хотя вывод всячески затушевывался, но он был единодушен: применявшиеся до сих пор формы стахановщины должны быть сменены на другие, более сложные, более согласованные со всем строем рационализаторской работы. Стахановщина в старой форме, по мнению руководителей индустрии, выполнила свою функцию: содействовала пересмотру устаревших норм выработки и внедрению «прогрессивки» в оплату труда. Теперь она должна поставить перед собою новые задачи.

Все были единодушны в том, что стахановщина в виде штурмовщины и рекордных норм выработки отдельных рабочих стадия уже изжитая, и что для обеспечения ровного строя работы предприятия и устойчивого

подъема необходимы другие более рациональные формы стахановщины.

Ярче всего это выразил в своей речи Пятаков.

«Основное в стахановщине 1936 года — это организация процессов труда, обеспечение социалистической производительности труда, техническое оснащение рабочего и техническое продумывание всего процесса производства... Необходима техническая увязка работы различных категорий рабочих. Необходимо правильное сочетание работы в звене, в пролете, в цехе. Необходимо на новой основе, на основе более высокой производительности, увязать цехи между собой. Необходимо заново продумать службу транспорта, складскую службу, систему учета. По новому встают вопросы качества и контроля производства... Надо подготовить, расчитать, спланировать и обеспечить работу не одних цехов, а работу целых цехов, заводов, отраслей и увязать различные отрасли между собою».

Пятаков открыто признает, что, «к сожалению, как общее правило, мы этого не видим», и решительно высказывается против тех, кто рассматривает стахановщину, как «какой-то вид массовой демонстрации».

В устах Орджоникидзе, Рухимовича, Пятакова стахановщина 1936 года означает борьбу за внедрение на предприятиях СССР более высокой технической культуры и рационализаторских методов.

Поражает в речах руководителей советской индустрии одно обстоятельство. За год стахановщины они убедились, какое громадное значение имеет сведующее и авторитетное руководство инженеров, в пренебрежении к которому они же воспитывали стахановщину. Поэтому, поднятие авторитета инженера и поручение ему руководства стахановщиной — один из основных выводов Совета. Сейчас перед инженерами поставлена задача уже не о руководстве стахановским движением масс рабочих, а о стахановском руководстве рабочими, с предприятием.

Жизнь оправдала и наше другое возражение против стахановских методов: за короткий период стахановщины и рекордсменства большинство станков и машин изнашивалось и сейчас уже не обеспечивает нормальной работы. И это обстоятельство нашло свое выражение в речах участников Совета.

Но как и в прошлом, так и сейчас на многочисленных совещаниях Совета не было произнесено ни одной речи о том, как нерасчетливо, как антисоциально расходовалась в период стахановщины рабочая сила. О рабочих на Совете говорилось лишь в одной плоскости: как обеспечить максимальную производительность их труда, как осуществить на всех стадиях труда «прогрессивку», т. е. индивидуальную прогрессивную сделку.

Несомненно стахановщина (вернее, то что в СССР носит название стахановщины) сейчас подымается на высшую ступень. Она приобретает более культурный, более планомерный характер. Она приближается сейчас к тому, что повсюду в Европе и в Америке носит название: рационализации производства. Но, к сожалению, и до сих пор ни Орджоникидзе, ни один из представителей хозяйственников не попытался отчетливо отделить подьем производительности труда, достигаемый лучшей организацией производства, более высокой механизацией, более разумным использованием и машины и рабочей силы от «рационализации», построенной главным образом на интенсификации труда, на хищническом использовании рекордсменства рабочих или их погони за «длинным рублем». К сожалению, в этом вопросе СССР не проявляет новаторства и сле-

дует по проторенным путям капиталистической рационализации. И утверждение Пятакова, что СССР, как стране социалистического производства, соответствует свой особый метод подъема производительности труда, остается ни чем необоснованной похвалой.

Этого-то именно пока не наблюдается, ни на прошлой, ни на современной стадии стахановщины.

Занимался Совет и вопросом о «загадочном» падении производительности *) в угольной промышленности, в частности в Донбассе.

И Орджоникидзе и Пятаков категорически отвергли довольно распространенное среди коммунистов объяснение: саботаж и вредительство.

«Объяснять это тем, напр., что инженерно-технический персонал саботажники — это чепуха», — решительно заявил сейчас Орджоникидзе, после долгих месяцев травли и снятия с постов сотен инженеров.

«Причина не в нежелании, а в неумении»... Мы думаем, что в условиях, которые были созданы для советских инженеров в период стахановщины, они и не могли проявлять свое уменье. Но верно, что и «уменья» мало. Сейчас, кажется, наконец, поняли, что гигантской государственной индустрии СССР нужны не скороспелые инженеры советских ВТУЗ-ов, не только инженеры, знающие технологию производства, но и инженеры - организаторы, инженеры - конструкторы, инженеры с таким высоким уровнем организаторско-стро-

ительного знания, которых немного и в Америке, и в Германии, в странах старой технической культуры. Этот капитал нельзя вырастить в советских парниках, по принципу «догоним и перегоним».

Что касается «загадки» Донбасса, то она так и осталась не объяснена в полной мере Советом. По нашему мнению, всего ближе к разрешению вопроса подошли Рухимович и Пятаков, указавшие на то, что в отраслях добычающей индустрии, — в угольной, рудной, некоторых цветных металлов — стахановщина дала сразу большой эффект в пределах максимальной поднятия интенсификации труда (индивидуальная сделщина, рекордсменство), а затем стабилизировалась, а отчасти стала деградировать, поскольку рационализация всего процесса производства, подготовительных работ транспорта и пр., осуществляется здесь более медленным темпом.

Мы думаем, что кроме этих обстоятельств не малую роль играют и неблагоприятные в Донбассе и других угольных районах условия труда и быта рабочих. Об этом ярко свидетельствует усилившаяся за последние месяцы текучесть рабочих из районов угольной промышленности.

В сущности, последние совещания Совета показали, что только сейчас индустрия СССР стоит перед проблемой организации планового хозяйства не в кабинетах Госплана, а в жизни — на отдельных предприятиях в целых отраслях и во всем народном хозяйстве. Впереди большая и тяжелая работа действительного освоения выстроенных промышленных гигантов.

А. Югов.

НОВАЯ СОВЕТСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ И ПАРТИЙНАЯ ДИКТАТУРА

Нет ничего удивительного в том, что свободная критика, возможная только за рубежом, сразу нащупала уязвимое место в октроированной Сталиным новой конституции: узаконение партийной монополии ВКП, превращающее хартию народовластия в ширму диктатуры. И точно так же нет ничего неожиданного в том, что развязанное свыше «всенародное обсуждение» проекта конституции, касаясь всех решительно разделов и отдельных пунктов всеобъемлющего документа, обходит молчанием — если исключить официальные комментарии — этот решающий момент. Державному народу предоставляется судить «не выше сапога». Между тем пресловутая отныне ст. 126 проекта представляет собою ключ к новой конституции, заводной механизм которой без этой статьи точно так же оставался бы в тени, вне рамок конституционной легальности, как и при действующей, вернее, бездействующей конституции.

Не будь этой ключевой статьи проекта конституции, можно было бы поверить в чудо самоупражнения диктатуры, опровергаемое, казалось бы, всем донынешним опытом истории. Не будь этой статьи конституции, в замаскированной, но недвусмысленной форме узаконяющей сращивание партии и государства, с фактическим подчинением государства монополю партии, мы были бы посрамлены в своем скептицизме зрелищем чудесного превращения Савлов диктатуры в Павлов демократии. Не будь этой статьи конституции, играющей роль лакмусовой бумажки, мы принуждены были бы упрекнуть себя за маловерие и вос-

кликнуть, подобно Герцену: «Ты победил, Галилеянин!».

Ибо без этой статьи, политически перечеркивающей всю конституцию, перед нами был бы документ, довольно стройно и последовательно развертывающий систему народовластия и политической свободы. Отдельные недочеты и пробелы (нередко симптоматические, как напр., отсутствие свободы стачек или право референдума без права народной инициативы) могли бы быть без труда исправлены и восполнены. Столь смущающей троцкистов девальвация пролетарской привилегированности в значительной степени давно уже декоративной и фиктивной, а, главное, политически вредной с точки зрения союзных взаимоотношений пролетариата и крестьянства, была бы с лихвой искуплена огромными преимуществами режима подлинного народовластия и всенародных свобод, открывающего возможности действительно свободной и независимой самоорганизации пролетариата.

Читая сталинский проект конституции, невольно вспоминаешь пушкинские стихи:

«В ней все гармония, все диво,
«Все выше мира и страстей»...

И только ст. 126 проекта резким диссонансом нарушает эту конституционную гармонию социализма свободы, демократии и трудовластия и возвращает нас на грешную землю. Она заставляет нас задуматься над теми реальными мотивами, которые побудили единую держа Сталина апеллировать от диктатуры пролетариата к всенародности, от курьезной советской системы многостепенных и открытых выборов ко всеобщему, равному, прямому и тайному голосованию, от ми-

тинговых съездов советов к парламентаризму, от правотворческих импровизаций к упорядоченному законодательству и правосудию. Она приподнимает завесу над тем реальным миром подспудных социальных и политических страстей, классовых перепластований и противоречий, незримой, но осязаемой борьбы между меняющейся страной и перерождающейся властью, который так старательно скрыт под подкупающе-идиллическим изображением советского строя, особенно, в первом разделе конституции, трактуемом об «общественном устройстве».

Именно в этом разделе конституции единственный раз упоминается о диктатуре пролетариата, как об историческом этапе на пути к созданию бесклассового общества трудящихся и социалистической системы хозяйства. Сдавая в архив, в Институт Маркса-Энгельса-Ленина, диктатуру пролетариата, как сделавшую свое историческое дело, Сталин, вдохновитель новой конституции, мотивирует переход к всенародной демократии торжеством социализма в Сов. России. Но если бы постулаты построенного социализма и бесклассового общества соответствовали действительности, зачем понадобилось бы Сталину «портить» возвышенную конституционную гармонию диссонансом ст. 126, исключающей возможность легальной оппозиции не только для идеологов ликвидированных классов, но и для оппозиционных коммунистов, социалистов и анархистов? Почему даже та скромная мера — пускай, весьма хрупкой — терпимости к инакомыслию, какая была еще доступна советской власти в разгар гражданской войны и интервенции, посреди крестьянских восстаний и рабочих волнений в тылу Красной Армии, оказывается невозможной, немыслимой, недопустимой сейчас, в эпоху «победившего социализма», «бесклассового общества», внутреннего и внешнего мира? Почему Коммунистическая Партия, когда она, по выражению Зиновьева, чувствовала себя еще только «небольшой фракцией в рабочем классе», а в деревне, по словам Сталина, была лишь «тоненькой ниточкой над безбрежным сермяжным морем», могла, как никак, терпеть фракции в собственной среде и другие социалистические партии рядом с собой, а теперь, ставши многомиллионной партией, осуществившей, по ее словам, все чаяния трудящихся города и деревни, боится открытого идейно-политического состязания на арене демократии с другими, даже только социалистическими, партиями?

Одно из двух. Или большевистская диктатура действительно выполнила свою «историческую миссию» и не только уничтожила капиталистический строй, но и построила социалистическое общество, — тогда закрепление партийной монополии в конституции является ничем не оправдываемым, бесцельным и вредным анахронизмом, — ибо какой же конкуренции бояться создателям всеобщего материального и культурного благополучия на основе социалистического хозяйства? Или же созданный большевистской диктатурой хозяйственный строй, хотя и являясь отрицанием частнокапиталистической экономики, не упразднил на деле системы наемного труда и эксплуатации в городе, не создал подлинно коллективистических форм сельского хозяйства, не уничтожил почвы для социального расслоения и, следовательно, для борьбы классов, — и в этом случае возведение диктатуры большевиков в основной закон государства придает всей конституции характер демократического прикрытия для увековечения диктатуры. Или — или.

Не партийная предвзятость, не партийная ущемленность, не партийная заинтересованность заставляют нас концентрировать свое внимание — и внимание русских и иностранных рабочих — на одном из 146 пунктов первой статьи советской конституции. Нет, интересы рабочего

класса и всех трудящихся, интересы подлинно демократического завершения русской революции, высшие интересы социализма заставляют нас бить тревогу.

Мы не отрицаем огромного значения новой конституции и целого ряда содержащихся в ней основных положений. В ней повторно закрепляются многие завоевания русской революции. В ней устранены последние следы узаконенного неравенства между крестьянами и рабочими*), как и пережитки легализованного бесправия по признаку социального происхождения. В ней легализуется личная и частно-хозяйственная собственность единоличников, кустарей и колхозников, не эксплуатирующих чужого труда. В ней интеллигенция, недавно еще заушаемая и преследуемая вредительскими наветами, включается, как равноправный член, в единый советский народ. В ней сделана попытка установить разделение властей и заложить основы упорядоченного правосудия и вообще правового порядка. В ней формулированы нормы дружного сожительства народов Советского Союза на началах равенства и свободного развития национальных культур. В ней закреплен целый ряд реформ последнего времени, исправляющих перегибы эпохи «военного коммунизма» и генеральной линии и создающих более нормальные условия для упорядоченного общежития.

Но весь этот новый строй последовательного народовластия и гражданских свобод грозит оказаться нежизнеспособным, мертворожденным, если из него будет вынута душа — политическая самодеятельность граждан, как основа их государственного самоуправления. Эта политическая самодеятельность предполагает свободу политического самоопределения, свободу политической агитации и политической организации, свободу партийных группировок.

***

Новая конституция не доверяет творческой самодеятельности трудящихся, которым на словах она передает «всю власть». Единственно возможный в подлинно демократической государственности мотор политической самодеятельности народа подменяется, согласно ст. 126, мотором партийной монополии и партийной диктатуры большевиков. Нарочито — прикровенная форма этой подстановки выдает истинные намерения диктатуры. Вторая, решающая часть ст. 126 гласит: «...а наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в коммунистическую партию СССР, являющуюся передовым отрядом трудящихся в их борьбе за укрепление и развитие социалистического строя и представляющую руководящее ядро всех организаций трудящихся, как общественных, так и государственных».

Муссолини и Гитлер, став на путь сращивания монопартийной партии с государством, т. е. создания однопартийного тоталитарного государства, действовали, надо признать, прямее. Они открыто узаконили партию, как органическую и руководящую часть, как единственный двигатель государственного механизма. Что побудило авторов проекта новой советской конституции предпочесть описательную форму законополагающей? Желание «дистанцироваться» от фашистских образцов плебисцитарной диктатуры? Оглядка на демократические «предрассудки» западно-европейского пролетариата?

*) Впрочем, установление партийной монополии ВКП дает диктатуре возможность путем соответственного «планового» регулирования социального состава партии и дозирования кандидатур по социальному признаку сводить на нет уравнение крестьян с рабочими в избирательных правах. Этот «корректив» к неожиданностям, равного и тайного голосования диктатура предусмотрительно закрепила в ст. 126 конституции, устанавливающей партийную монополию ВКП.

та и западно-европейской демократии, не понимающих свободной государственности без партийных группировок и без оппозиции? Или, наконец, желание на всякий случай оставить лазейку для ликвидации в будущем коммунистической партии за ненадобностью, во избежание ставшего ненужным и вредным для единоличной диктатуры дуализма партии и государства, или же, наоборот, для допущения в советском парламенте, наряду с правящей ВКП, подставной, маргариновой оппозиции?

Во всяком случае, данная в ст. 126 мотивировка партийной монополии ВКП незащита перед лицом самой простой логики. Пусть «наиболее активные и сознательные граждане из рядов рабочего класса и других слоев трудящихся объединяются в коммунистическую партию». Но, во-первых, кто определяет высшую степень активности и сознательности тех или иных граждан? Не народ, созревший для социализма и для высшей формы демократии, и не избирательный корпус всех трудящихся, перед которым в свободном идейно-политическом соревновании проходят все политические группировки и все политические деятели, а сама коммунистическая партия призвана, по конституции, быть судьей в собственном деле. Во-вторых, какая опасность грозит от того, что менее сознательные и менее активные граждане пожелают создавать свои самостоятельные политические группировки? Ведь ясно, что массы избирателей предпочтут партию «наиболее сознательных и активных» партиям «менее активных и сознательных».

Но дело тут явно не в большей активности и сознательности, дающей привилегию на монополию партийности, а в политическом характере, в социальной основе, в программных и тактических установках. ВКП претендует теперь не только фактически, но и в порядке конституционного освящения, на роль партии всех трудящихся, всех социальных слоев пореволюционной России, уже не пролетарской партии, как раньше, а «бесклассовой», всенародной. Если устранить далекую перспективу постепенного «отмирания государства», а с ним вместе и партий, в подлинно бесклассовом обществе, в котором «управление людьми будет заменено управлением вещами», то узаконение в конституции монополии всеклассовой партии означает лишь претензию господствующего слоя партийно-советской бюрократии на монополию политического представительства всего народа, его желание играть роль надклассового арбитра при распределении национального дохода и стремление сохранить в своих руках все рычаги экономического, политического и культурного господства.

Эти претензии всесильной бюрократии, опирающейся на новые, только формирующиеся социальные верхи города и деревни, означают уже не только ставшую неизбежной политическую девальвацию классовых привилегий пролетариата, но и лишение его права на свободную и независимую самоорганизацию для защиты своих классовых интересов на политической арене и методами политической борьбы. То же приходится сказать и о крестьянстве, которое даже в условиях навязанного ему колхозного строя, имеет ведь свои особые интересы и поэтому не может не испытывать потребности в своем политическом оформлении для защиты своих требований в законодательных учреждениях отдельных республик и всего Советского Союза. То же самое относится, наконец, и к национальностям, которые в силу партийной монополии большевиков на деле лишаются реальной возможности автономно отстаивать свои национальные интересы в общегосударственных и местных учреждениях, поскольку «руководящая роль» в национальных республиках и автономных областях, как и в Совете Национальностей и в Верховном Совете, попрежнему будет сохранена, но уже на кон-

ституционном основании, за коммунистической партией СССР, т. е. за централизованной всесоюзной организацией большевиков.

**

При таких условиях увенчание здания советского строя куполом всенародной демократии становится проблематическим. У нас нет пока оснований поверить в чудо самоупряднения диктатуры, по выполнении своей исторической миссии насаждения социализма возвращающей народу временно отнятый у него — для его же пользы — суверенитет.

«Вся власть» — не по писанной, а по фактической конституции — попрежнему остается не у трудящихся, объединенных в советы, а у коммунистической партии, успевшей превратиться в передаточный механизм, вернее, в послушный рычаг сталинского единовластия. «Верховники», избранные всенародным голосованием, будут еще в меньшей степени обладать реальной властью в области законодательства и контроля над правительством, чем даже «думцы», выбиравшиеся по куральной системе в период столыпинской реакции.

Вместе с народовластием повисают в воздухе и гражданские свободы, столь широко и громко прокламированные в новой конституции. Как ни обидно на 19-ю годовщину величайшей революции делать это сравнение, но оно невольно напрашивается при чтении сталинской конституции. После дарования — в разгаре всероссийской забастовки — царского манифеста 17 октября 1905 года, «Известия» Петербургского Совета Рабочих Депутатов дали ему заслуженно суровую оценку:

«И вот конституция дана.

«Дана свобода собраний, но собрания оцепляются войсками.

«Дана свобода слова, но цензура осталась неприкосновенной.

«Дана неприкосновенность личности, но тюрьмы переполнены заключенными.

«Дана конституция, но оставлено самодержавие.

«Все дано — и не дано ничего!»

Исторической правды ради надо прибавить, что соборы теперь не оцепляются войсками, но только потому что в обстановке большевистского террора никто и помыслить не может о том, чтобы «сколотиться» иначе, как с одобрения и для одобрения властей предрержащих. Цензура не остается в силе, но тоже только потому, что ее функции в советском строе выполняет «Главлит». Зато попрежнему тюрьмы переполнены главным образом социалистами, коммунистами и анархистами. И попрежнему приходится слышать тяжелый, но трезвый, устраняющий иллюзии, вывод: «Дана конституция, но оставлено самодержавие».

Однако, затеяв эту крупную игру, диктатура развязывает силы, с которыми она, быть может, и не сумеет справиться. Она вынуждена бросать в массы идеи, лозунги и принципы, органически чуждые и враждебные существу диктаторского режима. Она политизирует страну, давно отвыкшую от политической мысли и от политической проблематики. Она создает — вынуждена создавать — какие то легальные отдушину для выражения не политического недовольства, которые, в известных условиях и при достаточной напористости масс, могут стать зацепками для мобилизации политического недовольства.

Это открывает известные возможности и для сторонников наших идей в России. В частности, рабочий класс будет логикой развития толкаться в сторону борьбы за свободу своих организаций. Наша политическая пропе-

ведь существенно облегчается теперь тем фактом, что большевики вынуждены сдать в архив ленинское «учение о государстве» и прокламировать, пусть лицемерно, идеи последовательной демократии. Из плоскости борьбы двух несовместимых доктрин государственного права, осложнявшей пропаганду наших политических идей, демократической и советской, спор переносится в плоскость борьбы за осуществление, за проведение в жизнь, за честное выполнение тех политических идей, за которые — под гнетом ужасающего террора — не переставали бороться сторонники демократического социализма, и которые возводятся ныне в норму советского конституционного права.

П. Гарви.

НАРОД ОБСУЖДАЕТ КОНСТИТУЦИЮ

Внутренним стержнем, подлинной «душой» проекта конституции является стремление к упорядочению того, что в жизни уже фактически имеется. Конституция задумана, как гранитная набережная, которая должна охватить зыбкие и неустойчивые берега полноводной революционной реки. Это стремление прежде всего своеобразно сказалось на самом языке этого проекта. Привычная революционная фразеология, действовавшая как одиноко-дерзкий вызов, здесь почти оставлена или искусно замедлена, создавая впечатление, что на страну вместо бесечного фригийского колпака хотят надеть солидную европейскую шляпу. Проект в целом является подтверждением того, что с некоторого времени все сильнее чувствуется в советской жизни: кто-то после долгих лет странствований и блужданий добрался до цели и полон энергии и желания устроиться в новом доме надолго и прочно. Неслучайно поэтому подавляющее число первых откликов на конституцию из страны принадлежит людям старшего и среднего поколения, тогда как молодежь — по свидетельству советских корреспондентов — пока еще по существу высказывается меньше.

Минувшее двадцатилетие видело страну в самых разнообразных обличьях: в страстных ночных митингах 17-го года, на вокзалах, затопленных серошинельной Россией, с оборванным хлястиком и размотавшимся в пути обмотками, в очередях за хлебом и в тифозном бреду, в шеллонах гражданской войны и «заградилках», в неповской «веселой» жизни воскресших кафэ и в новых, горших страданиях и лишениях строительной горячки периода генеральной линии. Все эти почти 20 лет массы были в постоянном движении, постоянно на улице. Из дому гнала их тоска, голод, разруха, принуждение. И только сейчас, на 20-м году, массы призываются на митинги не для очередной мобилизации, а для того, чтобы поговорить об устройстве своей жизни «вообще».

Основное политическое различие между этим обсуждением конституции и всеми прежними ударными кампаниями, проводимыми сверху, массы, повидимому, схватили на-лету. Правда, заваленные всякими очередными заданиями, оторвавшиеся от народной толщи, власти на местах, получив проект конституции, нередко пытаются «проработать» его именно как очередную кампанию в ударном порядке, т. е. созвать собрание, вынести резолюцию и спешно отправить ее в центр. А массы медлят. Хорошо передана эта особая раздумчивость в ряде корреспонденций с мест: «Особое собрание, особое, такого вовек не бывало: всей бригадой сейчас вокруг стола садим и вслух думать будем, а когда все обдумаем, тогда набело на бумагу протоколом запишем», — ответили колхозники в районе Самарское - Куцевка - Штейнгартовка Азовско-Черно-

морского края на предложение торопливого начальства зафиксировать свое мнение о конституции в резолюции («Известия», 20-го июня).

Потребность подумать, поговорить меж собой особенно сильно чувствуется у рабочих. И «Известия», и «Правда» мельком упоминают о том, что в Ленинграде, Москве, Киеве и др. городах помимо больших митингов на заводах, рабочие собираются у себя на квартирах. Посвящая, однако, целые страницы откликам на конституцию ученых, инженеров, художников, артистов, матерому сменовеховцу Устрялову (отыскался-таки след Тарасов!), приводя нередко высказывания сельских учителей, крестьян-колхозников, та же печать совершенно не дает корреспонденций о таких беседах рабочих между собой и ограничивается только интервью и речами отдельных видных стахановцев и приведением резолюций заводских митингов. Резолюции эти, как правило, серы, казенны. На целом ряде предприятий рабочие постановили в ответ на проект конституции... досрочно выполнить производственные задания. Есть много оснований заподозрить искренность таких резолюций. Когда в Москве работники центрального Универмага, обсудив проект, опубликовали резолюцию о том, что в ответ на него они решили «высоко держать звание продавца советской торговли, бороться за чистоту рабочего места» и т. д., — даже «Вечерняя Москва» не удержалась от восклицания: «Какая пошлость!». Попутно газета раскрыла и секрет таких резолюций: авторы этой резолюции — маленькая инициативная группка — состряпали ее и сдала в печать, даже не ознакомив предварительно с содержанием этой резолюции своих товарищей по работе («Вечерняя Москва», 23-го июня). Из груды казенных резолюций выделяется одна, вынесенная собранием «вольнонаемных работников восточного района строительства канала Москва-Волга», в которой эти (действительно вольнонаемные, или бывшие ссыльные?) работники обещают «уделять еще больше внимания людям, временно изолированным от общества» (т. е. тем ссыльным, которые дают основную массу принудительного труда на подобного рода стройках), надеясь «после окончания великой стройки вернуть в семью трудящихся сотни полноценных граждан нашей великой родины» («Известия», 16-го июня).

Осмысливая многочисленные отклики с мест, наталкиваешься на два факта, представляющих большой интерес. Проект конституции бесспорно вызвал большое политическое удовлетворение партийной и — особенно — беспартийной интеллигенции. Об этом свидетельствуют повторяющиеся высказывания ученых, инженеров, художников и писателей по поводу того, что конституция своей формулировкой — вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице советов депутатов трудящихся — уравнивала, наконец, интеллигенцию с рабочими. Об этом политическом удовлетворении интеллигенции особенно ярко говорят не столько прочувствованные, благодарные и порой искренне-взволнованные высказывания, сколько несомненно просыпающаяся активность интеллигенции.

Первое место среди поправок, вносимых из среды интеллигенции, занимает поправка к 1-ой статье проекта, где говорится о том, что СССР является социалистическим государством рабочих и крестьян. Эту формулу предлагается изменить в соответствии с уже имеющейся в другом месте конституции формулировкой, что СССР является «социалистическим государством трудящихся» («Известия» от 14-го и 17-го июня). Не менее интересны предложения о расширении круга организаций, имеющих право выставлять своих кандидатов. Статья 141 очерчивает круг

очень узко, уже даже, чем очерчен круг легальных организаций в статье 126. Это вызывает тревогу в некоторых группах интеллигенции, опасаящихся, что их организация может оказаться при выборах на беспразном положении. Отсюда многочисленные предложения о дополнении статьи 141 упоминанием той или иной группы организаций или о предоставлении права выставлять кандидатов всем легально существующим общественным организациям. Дальше этих, в сущности, «цеховых» пожеланий предложения интеллигенции обычно не идут. И лишь изредка в этих пожеланиях звучат последовательно демократические ноты. С этой точки зрения заслуживает особого внимания предложение врача Рябовой (Воронеж) о предоставлении права выставлять кандидатов на выборах колхозам («Известия» от 22-го июня).

Очень отчетливо в высказываниях интеллигенции говорит стремление к упорядочению правовой и бытовой стороны жизни. Здесь интересны предложения, идущие из среды женской интеллигенции о необходимости внесения в конституцию специальной статьи о семье, браке и разводе, в которой была бы особенно подчеркнута «ответственность родителей за воспитание детей» и особо «определено наказание за легкомысленное отношение к родительским обязанностям и семейным устоям» («Правда» от 18-го и 21-го июня). Не менее отчетливо сказывается и желание упорядочить бытовую сторону жизни в предложениях, касающихся статьи 127 и сводящихся к тому, чтобы особо оговорить возможность ареста хулиганов без предварительной санкции прокурора («Известия» от 17-го и 21-го июня). В свете новейших данных о развитии хулиганства, отнюдь не говорящих о гармоническом развитии общества*), жестокость высказываний в вопросе о хулиганстве, явлении глубоко социальном, бросает мрачный свет на облик нового общества.

О потребности упорядочения правовой жизни говорит и часто высказываемое удовлетворение по поводу выборности судей. Предложения о дополнении и изменении этой части проекта наиболее многочисленны и они очень убедительно свидетельствуют о том, как пострадали не только широкие слои интеллигенции, но и вся страна от произвола властей за годы генеральной линии, как глубока потребность в обеспечении хотя бы элементарного правопорядка. В этом вопросе наблюдается полный контакт интеллигенции и широких слоев населения — рабочих, крестьян и служащих.

В этой связи необходимо отметить и еще одну черту этих первых откликов, которая особенно ярко сквозит не столько в высказываниях интеллигенции, сколько в откликах отдельных рабочих и особенно крестьян. Речь идет о чувстве глубокого удовлетворения по поводу введения тайных выборов. «Тайные выборы дадут возможность избирать в советы хороших, энергичных работников и проваливать негодных» — таков лейт-мотив высказываний отдельных рабочих.

Тайные выборы особенно импонируют широким массам колхозного крестьянства. «Тайные выборы — это хорошо. Наша сила возьмет, в этом я не сомневаюсь», — сказал беспартийный казак-колхозник, выдвигая заветную думу многих («Известия», 21-го июня). Правда,

тут же спохватываясь, что его могут заподозрить в покушении на авторитет компартии, он добавил, что и «в секретном конверте» все же будут голосовать за коммунистов.

«Колхозный разговор о конституции» только начался, и к этой теме придется еще раз вернуться. Здесь хочется только зафиксировать некоторые черточки этого начавшегося знаменательного «разговора». Уже первые отклики колхозного крестьянства на проект конституции позволяют сделать вывод о том, что наряду с интеллигенцией политическое удовлетворение от конституции испытывают и широкие слои колхозной деревни. Правда, крестьяне гораздо осто- рожнее в формулировании этого удовлетворения, чем интеллигенция, но самый факт его несомненен.

«Меня, товарищи, очень интересуют два пункта конституции, — начал свою речь пожилой колхозник о положении крестьян и тайном голосовании». Политический смысл кудреватой речи благонамеренного оратора сводится к тому, что до сих пор крестьянство имело меньше выборных прав, чем рабочие. И хотя сие оратор считает «справедливым», поскольку крестьянство было «темно», а рабочий класс был единственной политически организованной силой, тем не менее он не может скрыть своего глубокого удовлетворения. И хотя оратор считает это «справедливым», ныне отменена («Правда», 16-го июня). Еще отчетливее эти настроения выражены в речи другого колхозника, бывшего середняка, а ныне, повидимому, крепкого колхозника, Никулина: «Я, как человек хозяйственный, не любил мечтающих людей и считал, что это все враки». По той же причине он принадлежал к тем «колеблющимся» крестьянам, которые до сих пор не шли в колхозы. Развитие последних лет и особенно этот проект конституции убедили его в том, что все идет в общем в желательном для крестьян направлении. Особенно ему понравилось в конституции то, что она собирается защищать не только «социалистическую собственность», но и «личную собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы личного потребления и удобства» («Правда», 16-го июня).

Приводя «отклики» населения по единственному существующему источнику — казенной печати, нельзя на минуту забывать, насколько криво это зеркало. Просеянные через множество сит, причесанные опытной рукой казенных парикмахеров, напечатанные отклики никак не могут претендовать на полноту отражения настроений населения. Кто знает, сколько и каких откликов застряло в «портфелях редакций» или папках ГПУ? Но со всеми поправками на произвол и искажение, первые отклики дают основания для некоторого оптимизма всех искренних друзей демократического преодоления режима диктатуры. Несмотря на полное отсутствие политической свободы, в гуще колхозного крестьянства и низовой провинциальной интеллигенции пробуждаются силы, которые хотят строить свободную, демократическую страну. Но пессимистическую нотку в эти отклики вносит политическая дезориентированность рабочих масс.

Новая конституция дает могучий толчок пробуждению политической активности пролетарских масс, без сознательного давления и поддержки которых невозможно подлинное демократическое завершение революции.

*) Как раз на днях прокурор РСФСР Антонов-Овсенко отметил в «Известиях» (30-го июня) значительный рост хулиганства («в последнее время») «в городах и фабрично-заводских поселках».

ОТТО БАУЭР О СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ РЕФОРМЕ

Проект новой советской конституции имеет в целом и целом в европейском социалистическом движении «хорошую прессу». Отнюдь не потому, что в руководящих кругах европейского социализма не отдают себе отчета в том, что очень многое в новой конституции заслуживает серьезной критики. Но в обстановке усиленной фашистской активности в ряде стран и в условиях потрясенного международного равновесия европейский социализм так осязательно ощущает политическую потребность в сближении с Советским Союзом, а многое в новой советской конституции и особенно в официальных заявлениях руководителей советской политики звучит так демократически, что социалистическая печать предпочитает сейчас ограничиваться в основном характеристикой новой советской конституции, как значительного этапа на пути к демократизации и к внутреннему упрочению страны великой революции, не касаясь сложной проблематики современного развития Советского Союза. И лишь мимоходом социалистическая печать Запада, говоря о новой советской конституции, касается наиболее чувствительных точек современного советского строя. Так брюссельский «Пэпль» (от 14-го июня) ставит в редакционной статье вопрос об амнистии для «тысяч политических заключенных, социалистов и других, в течение многих лет населяющих советские тюрьмы». Так парижский «Попюлер» (от 14-го июня) в статье Андре Леру отмечает анти-демократический характер ст. 126 новой конституции, устанавливающей политическую монополию компартии.

В этой обстановке посвященная проекту новой советской конституции обширная статья Отто Бауэра в только что вышедшей июльской книжке «Кампфа» приобретает особенный интерес. Это первый отклик одного из наиболее влиятельных европейских социалистов на проект советской конституционной реформы.

Отто Бауэр, как известно, расходится с нашей партией в анализе социальных процессов, происходящих в Советском Союзе. По Бауэру, в Советском Союзе действительно создается бесклассовое общество. В связи с этой общей оценкой социального развития тов. Бауэр и развитие общественного хозяйства в Советском Союзе рассматривает, как социалистическое развитие, и диктатуру компартии, как определенную форму диктатуры рабочего класса. Для понимания той оценки, которую тов. Бауэр дает проекту новой советской конституции, эти его общие представления о Советском Союзе необходимо иметь в виду.

Для Бауэра новая советская конституция является «практическим, историческим доказательством того, что диктатура пролетариата является лишь необходимым временным средством для преодоления капиталистического сопротивления и что по выполнении этой своей функции она сама восстанавливает демократию на новой общественной основе, освобожденной от капиталистического господства». Таково историческое задание. Но в той системе демократии, которая фактически создается новой конституцией, Бауэр видит еще много незавершенного.

Конституция провозглашает неприкосновенность личности. По ст. 127 проекта никто не может быть арестован иначе, как по постановлению суда или с санкции прокурора. При этом судьи и прокуроры формально независимы, но они, отмечает Бауэр, «поскольку они коммунисты», подчинены компартии, своеобразная структура которой обеспечивает ей исключительную дисциплинарную власть над членами. Представляемые новой кон-

ституцией гарантии неприкосновенности личности оказываются поэтому совершенно недостаточными. Тов. Бауэр отмечает, что ряд демократических конституций идет в обеспечении неприкосновенности личности гораздо дальше советского проекта:

«Действительная гарантия неприкосновенности личности имела бы лишь в том случае, если бы советская конституция, хотя бы для условий мирного времени, установила, что каждый советский гражданин по истечении определенного короткого срока с момента ареста — многие конституции устанавливают: в течение 48 часов — должен быть освобожден, если против него не начато в порядке нормального судопроизводства дело по обвинению его в совершении определенного преступления».

Столь-же критически подходит тов. Бауэр к советской действительности, когда обращается к анализу ст. 125 и 126 проекта конституции, обеспечивающих демократические права граждан. Бауэр в полной мере отдает себе отчет в антидемократическом характере ст. 126, фактически лишаяющей всех «представителей интересов, взглядов и идей», противоречащих воззрениям руководства компартии, возможности пользоваться свободой печати, собраний и пр. И все же конституционная реформа, предусматривающая введение всеобщего, равного и прямого избирательного права с тайной подачей голосов и превращающая съезд советов в «настоящий парламент», означает громадный шаг вперед к демократизации советской конституции:

«Не может быть сомнений, что введение этих парламентских учреждений в связи с введением прямого избирательного права и тайной подачи голосов вызовет громадный рост политических интересов в народных массах Советского Союза, усилит их политическое самосознание, приведет их к убеждению, что участием в выборах они сами разрешают большие общеполитические вопросы, пробудит у них волю к использованию этой их власти в соответствии с их собственными интересами и взглядами. В этом громадное демократизирующее влияние этой реформы советской конституции».

Правда, ст. 141 предоставляет право выставления кандидатов лишь компартии и организациям, «находящимся под руководством коммунистических партийных ячеек»:

«Какова при этих условиях будет картина выборов? Несомненно различные организации выставят своих кандидатов... в том числе и беспартийных... Но так как все эти организации подчинены руководству компартии, то в качестве кандидатов смогут быть выставлены лишь такие беспартийные, которые встречают одобрение и компартии. Таким образом смогут быть избраны лишь коммунисты и «беспартийные большевики» (Сталин). Но избирателям будет предоставлена свобода решать, **каких коммунистов или «беспартийных большевиков» избрать и каких отвергнуть.**

«И в этом основной смысл всей конституционной реформы. Ограничивая права свободы и ограничивая право выставления кандидатов, конституция **обеспечивает господство компартии.** Но допущением конкурирующих кандидатов и введением прямого и тайного голосования она **отдает в руки беспартийных масс выбор между различными кандидатами,** предоставляет беспартийным массам право **отбора** среди коммунистов и связанных с ними «беспартийных большевиков»... Сохраняя и гарантируя господство компартии, конституция ставит представителей компартии в зависимость от симпатий и антипатий беспартийных масс, **делает беспартийные массы судьями над отдельными представителями господствующей партии.**

С этой точки зрения проект новой конституции означает «первый этап на пути к ликвидации (Abbau) диктатуры»:

«Правда, это лишь первый этап. Если коммунистическая пресса всего мира превозносит новую советскую конституцию, как «совершеннейшую демократию», то она неправда. Новая конституция не есть совершенная демократия и не может даже быть ею.

«Когда демократическая республика, как, напр., чехословацкая, распускает фашистские партии, запрещает их газеты, лишает их возможности соревнования на выборах с другими партиями, — это противоречит демократическому принципу, требующему свободы соревнования пред народом для

всех интересов, воззрений и идей. Но угрожаемая враждебным ей фашизмом, чехословацкая республика может в полной мере оправдать ограничения в применении демократического принципа необходимостью самозащиты против фашистов, которые воспользовались бы демократическими свободами лишь для того, чтобы после своей победы разрушить все демократические свободы. Точно так же и Советский Союз может, конечно, оправдать ограничения применения демократического принципа необходимостью защищать оплаченные громадными жертвами гигантские завоевания социальной революции защищать против сил контр-революции, которые воспользовались бы демократическими свободами лишь для того, чтобы вместе с социальными завоеваниями революции уничтожить и все демократические вольности. Следует ли признать границы, которые проект конституции устанавливает для применения демократического принципа, слишком узкими или нет, зависит от степени оптимизма к оценке современной стадии развития Советского Союза к социализму. Если стоять на той точке зрения, что гигантский экономический прогресс и крупные социальные успехи Советского Союза уже в такой степени завоевали в пользу социализма широкие массы народов, его населяющих, что социалистической организации общества уже не угрожает в Советском Союзе никакой опасности, — то следует отвергнуть, как ненужные, ограничения, которые проект конституции все еще сохраняет в отношении свободы личности и свободы коллективного самоопределения. Если же, напротив, пессимистически оценивать современную стадию развития Советского Союза, если считать, что в широких массах Советского Союза и особенно в крестьянстве и сейчас еще сильны мелкобуржуазные традиции, инстинкты, привычки мысли, которые могли бы в обстановке полной свободы быть использованы контр-революционными силами и могли бы создать угрозу для дальнейшего развития социалистического строительства, — тогда ограничения демократической свободы, которые устанавливает проект конституции, нужно признать пока еще неизбежными. Но как ни оценивать положение, необходимо констатировать, что проект еще отнюдь не осуществляет совершенной демократии, что он еще очень существенно ограничивает демократическую свободу. Это необходимо констатировать потому, что тем самым формулируется задача, которая сможет быть разрешена лишь в будущем».

Здесь наиболее уязвимое место в аргументации Бауэра. Бауэр склонен условно (на «пессимистический» случай) оправдать ограничения демократических свобод, устанавливаемые в проекте конституции, но аналогия с помощью которой он пытается достичь этой цели, носит слишком поверхностный характер. Роспуск в демократических странах фашистских организаций мо-

жет быть оправдан лишь постольку, поскольку организации эти пытаются мерами насилия уничтожить демократию. Ограничение же демократических прав в Советском Союзе устанавливается не для «контр-революционных сил», а для «широких масс» трудового народа, т. е. для подлинного носителя демократической идеи, и оно обеспечивает поэтому не победу демократии, а, увы, лишь господство бюрократии. Аргументация тов. Бауэра не становится убедительней и оттого что он — в нарушение аналогии с Чехословакией — пытается оправдать ограничения демократических свобод опасностью, которая грозит не демократии, а делу построения социализма. В порядке насилия еще можно сломить сопротивление «контр-революционных сил»; но в порядке насилия над «широкими массами» — не исключая и рабочего класса — никакого социализма не построишь.

Впрочем, склоняется ли сам тов. Бауэр к «пессимистической» оценке социального и экономического развития Советского Союза, которая могла бы, по его мнению, оправдать ограничительные постановления новой конституции? Повидимому, нет. Но тогда уже во всяком случае не остается ничего от аналогии с Чехословакией, самое существование которой фашизм ставит под непосредственную угрозу.

В этих противоречиях тов. Бауэра находит свое отражение внутренняя противоречивость его позиции в русском вопросе, в которой элементы оптимизма так причудливо переплетаются с элементами глубоко пессимистической резиньяции. Но если в отношении настоящего тов. Бауэр колеблется между оптимизмом и пессимизмом, — тем охотнее отметим его оптимистический прогноз:

«Проект конституции включает в себе самым гарантией того, что политические интересы, политическое самосознание, политическая воля народных масс благодаря введению прямого и тайного голосования и парламентских форм законодательства и управления значительно усилятся и в течение короткого времени взорвут те границы, которые теперешний проект ставит самоопределению народа».

С. Ш.

Первый месяц эксперимента Блюма

Правительству Леона Блюма во всяком случае нельзя бросить упрека, что оно мало сделало за месяц своего существования. Не только сторонники Народного Фронта, но и его противники признают, что за истекшие со времени прихода Блюма к власти недели во Франции совершилась подлинная революция. Может быть, не будет даже преувеличением сказать, что в области социальной за 30 дней сделано столько, сколько не сделано было во Франции за последние 30 лет. Подводя итог деятельности правительства Блюма, буржуазная газета «Пари-Миди» (от 6-го июля), относящаяся к Народному Фронту открыто враждебно, вынуждена признать, что каков бы ни был конец правительства Блюма, оно уже вписало свое имя в историю Франции неизгладимыми письменами, и что многое из сделанного им останется навсегда во французской жизни. Социальные сдвиги, произведенные во Франции правительством Блюма, не были бы, может быть, революцией в другой стране. Но Третья Республика в отношении социального законодательства, профессионального движения, организации труда и капитала, принадлежала к числу самых консервативных и отсталых стран Европы. Тут сказался и специфический характер развития капитализма в этой стране денежного капитала, мелких

рантье, сберегателей, зажиточного среднего крестьянства; и политическая реакция после подавления Коммуны, тяжелым прессом сковавшая развитие Франции прерванная собственно только один раз могучей волной радикализма и «светскости» в эпоху ликвидации процесса Дрейфуса, в классическую эру либеральной демократии Вальдек Руссо и Комба. Умеренно-манчестерский либерализм, утвердившийся после этого во Франции, не был серьезно поколеблен ни войной, ни даже в эпоху подъема рабочего движения после войны. Основную причину этого надо искать в том быстром ослаблении рабочего движения, которое явилось последствием коммунистического раскола. Социальный застой проявился и в политической области: как уже указал Г. Биншток в своей статье в «Кампф», руководящая партия всех французских правительств за последнее десятилетие, радикалы и радикал-социалисты, никак не могли выбиться из-под власти застарелых парламентских традиций и неизменно оказывались неспособными к какой бы то ни было творческой работе. Население инстинктивно стремилось к чему-то новому, к каким-то крупным реформам, которые должны были разбить отжившую рутину как в области социальной, так и в области политической. Подчиняясь этому стихийному дав-

лению, радикалы каждый раз перед выборами обещали золотые горы, кучу самых радикальных реформ, но неизменно каждый раз после прихода к власти и образования нового правительства подчинялись консервативной инерции, и воз попрежнему оставался на старом месте. Машина на холостом ходу — таким стал французский парламентаризм за последние годы, вызывая фашистскую реакцию на одном полюсе, революционные настроения на другом. Парламентская коррупция и бесплодная консьность старых политических образований вызвали в массах французского народа, далеко за пределами пролетариата, ту жажду новизны, ту уверенность в необходимости каких-то крупных перемен, то брожение, которые в сумме своей привели к ошеломляющей победе Народного Фронта на последних выборах. Леон Блюм правильно отметил в своей речи на последнем съезде французской партии, что не только сторонники Народного Фронта, голосовавшие за него на выборах, но и очень многие из тех, которые голосовали против него, с надеждой и упованиями смотрели на новое правительство и чего-то от него ждали. По мере приближения формального прихода к власти правительства Леона Блюма все больше и чисто-стихийно приходили в движение, по понятным причинам, прежде всего пролетарские массы. Теперь уже и консервативный лондонский «Таймс» должен признать, что незачем искать «агитаторов», незачем взваливать на происки «Москвы» или «Берлина» тот стихийный взрыв стачечного движения, который прокатился по всей стране в начале прошлого месяца. В недрах рабочего класса Франции накопилось много сжатого пара, и пар этот вырвался наружу с оглушительной силой в момент, когда был снят «предохранительный клапан» социально-консервативного правительства.

Оглядываясь назад, можно сказать, что стихийное стачечное движение, разлившееся по стране с необычайной силой и импровизированной чисто-французской организованностью, в необычайной степени облегчило парламентскую задачу правительства Блюма. Отвечая на упреки крайней правой печати в чрезмерной уступчивости, умеренная буржуазная печать указывает на тот тулик, в который попали предприниматели перед лицом рабочих, оккупировавших фабричные помещения, с одной стороны, и перед лицом правительства, отказавшегося от применения вооруженной силы по отношению к забастовщикам и располагающего прочным большинством в парламенте. Промышленники были поставлены перед «совершившимися фактами» революционного характера. Революционным был акт самовольного захвата фабрик; революционным по существу было заявление правительства, в лице Леона Блюма, что хотя захват фабричных помещений и находится в противоречии с французским гражданским правом, но что правительство тем не менее не будет применять насилия по отношению к правонарушителям. Что можно было в этих условиях предпринять? — жалуются предприниматели. Они тем менее могли что-либо предпринять, что симпатии самых широких слоев населения были на стороне бастующих. А этим психологическим фактором никогда нельзя пренебрегать при столь крупных социальных конфликтах.

Этой психологической атмосферой и, прежде всего, создавшимся реальным положением объясняется тот изумительный факт, на который не может сейчас надивиться сама буржуазная печать: в те «сумасшедшие дни» не только Палата депутатов, но и Сенат гигантским большинством, а в некоторых случаях даже единогласно приняли далеко идущие социальные реформы, не оставляющие камня на камне от старого традиционного социального уклада, — реформы, которые при других условиях потребовали бы для своего бесконечно

В конторе „Социалистического Вестника“ принимается подписка на следующие издания :

1. „NEUER VORWAERTS“ — еженедельный орган германской соц.-дем-тии, издаваемый в Карлсбаде, цена за 3 мес. — 18 франц. фр.
2. „ZEITSCHRIFT FUER SOZIALISMUS“ — ежемесячный орган Герм. Соц.-Дем. Раб. Партии. Цена за 6 месяцев — 20 фр. франков.
3. „ARBEITER-ZEITUNG“ — еженедельный орган австрийской с.-дем-тии, цена за 6 мес. — 12 франц. фр.
4. „POPULAIRE“ — ежедневная газета франц. соц. партии, цена за 3 мес. — 25 франц. фр.
5. „KAMPF“ — ежемесячный с.-д. журнал австрийской партии, цена за год — 40 франц. фр.
6. „LE COMBAT MARXISTE“ — ежемесячный журнал, цена за год — 10 фр.
7. „LA BATAILLE SOCIALISTE“, цена за год — 10 фр.
8. „LA GAUCHE REVOLUTIONNAIRE“, цена 10 №№ — 5 фр.

Подписка принимается не менее, чем на 3 месяца по ценам издательств.

более скромного и урезанного осуществления многих месяцев, а, может быть, и годов.

Французские народные массы впервые за многие десятилетия получили, наконец, правительство, которое не только честно и пунктуально выполняет избирательные обещания, но и выполняет их с избытком. Правительство Блюма оказалось тем «локомотивом истории», функцию которого мы до сих пор приписывали только революциям.

Если социальный консерватизм, сковывавший до сих пор развитие Франции, сделал необходимым своего рода мирную революцию, то кризис, тяжелым бременем дававший на всю экономическую жизнь страны, поставил в порядок дня ряд мероприятий экономического и финансового характера, направленных не к разрушению существующего режима, но к его укреплению и под'ему. Если социальные реформы правительства Блюма вносят в социальную структуру страны принципиально новые элементы, стоящие в резком противоречии к принципам манчестерского либерализма, то финансовые планы Венсен-Ориоля не заключают в себе ничего не только социалистического, но даже в некоторых отношениях остаются позади, напр., эксперимента Рузвельта. Эта двойственная политика, как заявил сам Венсен-Ориоль в Палате, является результатом сознательного стремления к тому, чтобы вызвать доверие к правительству со стороны держателей скрытых капиталов, чтобы извлечь из кубышек десятки миллиардов, лежащие там без движения, — для того, чтобы гигантским притоком капитала оживить затухающее хозяйство страны и дать ему возможность безболезненно и без потрясений приспособиться к новым отношениям, созданным социальным законодательством правительства.

Для осуществления этого большого плана требуется время. Между тем, как раз в ближайшие недели и месяцы создаются своеобразные ножницы между радикально реформированными социальными отношениями и неизменными еще кредитно-финансовыми возможностями. Повышение заработной платы, введение 40-часовой рабочей недели и оплаченных отпусков, все это в значительной степени (до 30%) увеличило социальное бремя предпринимателей. Простое переложение этого бремени на покупателей свело бы на нет все значительные реформы, да и практически трудно осуществимо,

благодаря суровым правительственным мерам против вздорожания. С другой стороны, этим ослабляется позиция французской промышленности по отношению к иностранным продуктам, пользующимся дешевым трудом (Япония, Германия, отчасти Россия) и сильно уменьшаются возможности французского экспорта за границу. Благодаря всему этому, временно создается положение, при котором существовать и успешно конкурировать на французском и мировом рынке может только крупная промышленность, при котором осуществлять социальный прогресс, не подрывая своего существования, могут только крупные, рационально организованные, механизированные предприятия с значительным оборотным капиталом.

В порядок дня, таким образом, была, — на этот раз под совершенно новым аспектом, — снова поставлена проблема «средних классов». Перспектива разорения мелкой и средней городской промышленности, раздавливаемой колесницей социального прогресса, вызвала глухое брожение в некоторых кругах. Реакция немедленно подхватила выигранный лозунг, обвиняя правительство Блюма в «марксизме, выражающемся будто бы в сознательном стремлении, в согласии с доктриной Маркса, раздавить средние классы в погоне за «концентрацией промышленности». В Народный Фронт стал вбиваться клин... Представители средних классов «пар эксельанс», радикалы заколебались. Радикальная группа в Сенате, гораздо более правая, чем официально руководство рад.-соц. партии, поддавалось наущению правых, и в Сенате министру внутр. дел Салангро пришлось выдержать бой по вопросу о потакательстве правительства стачечной волне. От него потребовали категорического заявления, что правительство не допустит более «оккупаций» фабрик, грозя немедленным вотумом недоверия. Правительству пришлось частично уступить: Салангро заявил, что правительство в таких случаях, чтобы добиться эвакуации предприятий, будет предпринимать «все ведущие к цели» меры, понимая под этим в первую очередь вмешательство представителей профсоюзов.

В среде коммунистов ответ этот вызвал понятное недовольство. Но вопрос о средних классах стал и независимо от демагогии правых. Если в Германии экспроприация средних классов, сыгравшая столь видную роль в фашизации этих слоев, была произведена путем инфляции 1923 г., то не будет ли во Франции как раз отсутствие инфляции, т. е. политика «защиты франка», связанная с тяжелыми жертвами для средней промышленности, но упорно отстаиваемая в особенности коммунистами, объективно содействовать экспроприации части городских средних слоев со всеми вытекающими отсюда политическими последствиями?!

Правительство Леона Блюма, тысячью нитей связанное с народными массами, чутко уловило намечающийся перелом в настроении. Газеты от 7-го июля (первый день второго месяца эры Блюма), приводят отчет о заседании Совета Министров, на котором, вместе с проблемами внешней политики, подвергся внимательному изучению и вопрос о средних классах.

«Подвергнуть обсуждению» еще не значить, конечно, успешно разрешить. Но задача поставлена. В Палате проведен закон о дешевом кредите (под 3%), для чего будет, через Банк-де-Франс мобилизовано 10 мрд. Принят закон и о «Хлебном Оффисе», вводящий особого вида государственную монополию хлебной торговли.

«Смычка» между правительством и средними классами, несмотря на некоторый надлом в настроении, остается еще очень прочной. В руках правительства, воодушеваемого, впервые за много десятилетий, не только искренней преданностью народным интересам, но и сме-

лой инициативой, имеется немало козырей и возможностей повернуть настроение в нужную сторону.

Другим «узким местом» в деятельности нового правительства является все более разгорающаяся борьба с так наз. «лигами», — фашистскими и полуфашистскими организациями военного типа. Закон о праве роспуска таких организаций был, под давлением радикал-социалистов и левых, принят еще в январе при правительстве Лавалья. Но лишь с приходом к власти правительства Блюма, декрет этот был проведен на практике. Само собой разумеется, что распущенные Лиги пытаются возродиться в прикровенном виде под другими названиями. И совершенно ясно, что при режиме демократии и политической свободы крайне трудно, если не невозможно, найти такие формулы запрета и, самое главное, такие способы надзора и контроля, которые фактически сделали бы невозможным дальнейшее существование распущенных «Лиг» и подготовку ими активной борьбы против правительства. При помощи тысячи ухищрений правые вносят непрерывное беспокойство в жизнь парижской улицы. Они организуют стычки и побоища, устраивают патриотические манифестации при помощи вывешиваемых в окнах трехцветных флагов (для этой благородной цели с трехцветным флагом примирились и роялисты, до сих пор принципиально не признававшие цветов республики), организуют демонстративные шествия к могиле Неизвестного Солдата и т. п.

Объединенные силы реакции пользуются каждой стычкой, каждым уличным конфликтом, провоцируемым «лигерами», для того, чтобы сеять панику в населении, отпугивать иностранных туристов, создавать за границей и в самой Франции впечатление все больше разгорающейся гражданской войны. Но маневр слишком прозрачен, чтобы радикалы, на которых маневр этот прежде всего рассчитан, его не разглядели. Передовая в «Эвр», официозе радикальной партии (от 7-го июля), с большой убедительностью противопоставляет поразительную дисциплину, организованность и спокойствие бастующих рабочих и всей левой Франции — лебашам и бесчинствам правых, этих патентованных сторонников «порядка». Кто сейчас является действительным носителем и представителем порядка во Франции, — спрашивает справедливо «Эвр»?

Поход правительства против «Лиг» носит скорее характер превентивный и принципиальный, нежели характер обороны против наступающего врага. Пока правительство так сильно народным доверием и поддержкой, как правительство Блюма, пока инициатива смелого законодательства и реформ находится в его руках, ему не страшны отряды «патриотической молодежи» или полковника де ля Рока. И не отсюда грозит опасность дальнейшему существованию и дальнейшим успехам правительству Блюма. Гораздо более важную и жизненную роль будут играть моменты международной политики. Но как раз они еще никак не успели сказаться за первый месяц существования правительства Блюма, и в первый месячный баланс этого правительства войти еще не могут.

Этот баланс, если его взять под углом внутренней политики, является блестящим и многообещающим. Начальная скорость движения, его размах и его темп превзошли самые смелые ожидания. Нисколько не закрывая глаз на все трудности и препятствия, нагроможденные на пути правительства Блюма, международный пролетариат вправе не только с напряженным вниманием, но и с большими надеждами следить за дальнейшим развитием «эксперимента Блюма».

Р. Абрамович.

Уроки демократизма

Страна берет наглядные уроки демократизма.

Когда в конце мая законопроект о запрещении абортов был поставлен «на широкое обсуждение трудящихся», казенная печать поспешила охарактеризовать это новшество, как проявление неслыханного в мире демократизма. Обсуждение законопроекта действительно приняло очень широкий характер, причем с самого начала в нем выявилась характерная черта: с первых же дней обсуждение вышло из традиционных рамок одобрения «целиком и полностью» предложенных решений, и сперва робко, а потом все настойчивее начали раздаваться критические голоса. Предложения критиков законопроекта сводились, правда, формально лишь к частичным поправкам, имеющим целью смягчить суровость намеченного запрета, и никто из критиков, — по крайней мере, поскольку высказывания их нашли отражение в печати, — не решился открыто отстаивать господствовавший до сих пор принцип ненаказуемости аборта. Но основной смысл сотен предложений о смягчении законопроекта не мог вызывать никаких сомнений. Даже и в той урсулливой обстановке, в которой происходило обсуждение законопроекта, широкие слои трудящихся высказались против намеченной в законопроекте суровой запретительной политики: советский народ требовал значительного облегчения условий, при которых допускается аборт, в частности допущения о разрешении аборта при наличии уже в семье не и бытовых мотивов. Этот характер обсуждения законопроекта явно начал вызывать недовольство в кремлевских палатах, и «широкое обсуждение» было внезапно и без предупреждения оборвано. 27-го июня законопроект получил окончательное утверждение лишь с совершенно незначительными изменениями: все предложения о разрешении аборта при наличии уже в семье нескольких детей, при жилищной тесноте и т. п. просто оставлены были законодателем без внимания. Первоначальный текст дополнен лишь разрешением аборта «при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей». С привычным апломбом «Правда» пишет: «Вопрос о запрещении абортов разрешен народом и правительством положительно».

Авторы закона явно стремились превратить запрещение аборта в орудие принуждения к многодетности. Недаром вопрос о популяризации мер по предупреждению беременности, о так называемом «регулировании рождаемости» решительно и твердо был устранен из обсуждения. Ни в законопроекте, ни в бесчисленных комментировавших его официальных и полуофициальных статьях о регулировании рождаемости нигде даже и не упоминается. Но вопрос этот напрашивается сам собой, и как ни старалась печать заглушить его обсуждение — а печать явно получила на этот счет очень решительные указания —, он несомненно подымался на множестве собраний и соответственные предложения начали было даже проникать на страницы печати. Этому однако тотчас был положен предел. Не решаясь заявить об этом открыто, власть твердо взяла курс, безусловно враждебный идее регулирования рождаемости.

Это очень характерно проявилось в инциденте, взволновавшем московскую немецкую эмигрантскую колонию, но прошедшем незаметно для советской общности. В московской «Немецкой Центральной Газете» («ДЦЦ») появилась 30-го мая статья немецкого коммуниста д-ра Фридриха Вольфа, приобретшего в свое время широкую известность в Германии и за-границей в качестве непримиримого и мужественного борца за отмену знаменитого § 218 германского уголовного кодекса, устанавливающего суровые уго-

В ПАРИЖЕ Отдельные №№ «Соц. Вестника» можно получить в следующих киосках Г А Ш Е Т Т:

- 1) LIBRAIRIE 2, rue de Sèze.
- 2) 12, bd des Capucines.
- 3) 28, bd des Capucines.
- 4) 4, bd de la Madeleine.
- 5) 41, bd des Capucines.
- 6) 11, bd des Capucines.
- 7) 56, av. des Champs-Élysées.
- 8) 150, av. des Champs-Élysées.
- 9) Pl. de l'Étoile (côté Friedland).
- 10) Pl. de l'Étoile (côté Wagram).
- 11) 2, bd des Italiens.
- 12) 36, bd des Italiens.
- 13) 2, bd des Capucines.
- 14) 2, bd Montmartre.
- 15) 20, bd Montmartre.
- 16) 8, bd Bonne-Nouvelle.
- 17) 15, pl. de la République.
- 18) 3, pl. Saint-Michel.
- 19) 7, bd Saint-Michel.
- 20) 47, bd Saint-Michel.
- 21) 63, bd Saint-Michel.
- 22) BOURRELIER, 101, bd Montparnasse.
- 23) HACHETTE, av. des Champs-Élysées.
- 24) Pl. Pigalle.
- 25) 1, av. Victor-Hugo.

Кроме того отдельные №№ продаются в конторе журнала от 10 до 12 ч.) и в крупн. русск. книжн. магазинах Парижа.

ловные кары за аборт. Вольф отрицательно относится к аборту, но решительно выступал всегда против борьбы с абортами мерами уголовной репрессии. В своей статье в «ДЦЦ» он, правда, не решается открыто отстаивать эту свою точку зрения: в принципе он принимает для Советского Союза идею наказуемости аборта, но настаивает на разрешении производства аборта по медицинским, евгеническим, социальным и иным мотивам, очерченным настолько широко, что практически запрещение аборта сводится к очень узким пределам. Но самое важное для Вольфа это борьба с абортами мерами регулирования рождаемости. И автор цитирует свою речь на суде в Штуттгарте в 1931 году, в которой он (от своего имени и от имени д-ра Кинле) заявил:

«Мы противники аборта и сторонники регулирования рождаемости. Мы видим в аборте лишь последнее средство, к которому приходится прибегать, когда регулирование рождаемости не достигает цели».

Статья Вольфа обратила на себя внимание, и «Известия» поспешили откликнуться на нее. В номере «Известия» от 1-го июня статья Вольфа излагается в духе полной и безоговорочной солидаризации с законопроектом. О требовании решительного смягчения запрещения аборта — ни слова; о регулировании рождаемости ни гу-гу. Но слова Вольфа на суде цитируются как будто буквально:

«Мы противники абортов и сторонники нормального деторождения. Мы видим в аборте, к сожалению, последнее средство, когда невозможно нормальное деторождение».

Путем сознательной и грубой фальсификации вопрос о регулировании рождаемости просто снимается с обсуждения.

В этих условиях запрещение абортов означает принудительное превращение советской женщины в родильную машину. Мера эта неизбежно приведет к бурному расцвету — тайных абортов со всеми их губительными последствиями.

Таковы неожиданные итоги первого опыта «широкого обсуждения». Народ высказался. Власть выслушала и — поступила по своему. Для страны это было тоже наглядным уроком демократизма — от противного.

С. Шварц.

ПО РОССИИ

Письмо из Москвы: Конституция и гениальность Сталина. — Старые большевики превращаются в сталинистов. — Сталин учится. — Перед войной. — Увеличение добычи золота. — Интерес к правительству Блюма. — Новые гонения на ссыльных социалистов.

Сейчас, после опубликования проекта сталинской конституции, советские люди, и даже видные коммунисты, смелее и охотнее беседуют на злободневные темы. На днях, в одном «доме отдыха» мне случилось быть слушателем, а отчасти и участником, одной из таких бесед. В среде правящих верхов опубликование проекта конституции прежде всего еще более подняло авторитет Сталина. Коммунисты уже не в публичных местах, а среди близких людей говорят прямо с какой-то восторженностью и убежденностью о гениальности Сталина. «В истории он с правом займет место самого умелого и прозорливого вождя пролетариата». Конституция вернула Сталину «души» многих старых большевиков, которые не могли забыть, что Ленин считал ограничение свобод мерой временной и вынужденной. Все-таки как-то неловко было сознавать, что в СССР нет людей, думающих и говорящих не по Сталину. За эти дни мне уже пришлось не раз слышать страстные речи старых большевиков в защиту «свобод без ограничений», возражавших коммунистам последних призывов. «Сейчас мы вступаем в период, когда ограничения будут постепенно и вмешательство государства в область личных убеждений будет ослабляться», — таково несколько наивное, но распространенное среди коммунистов мнение. Об отсутствии прана на существование других партий говорят публично неохотно, в частных же беседах уверяют, что «все зависит от того, как развернутся международные события», что «создание советской демократии дело новое, что опыт придет с годами, что демократия будет разворачиваться этапами...» и подобное. Между прочим, один из осведомленных людей рассказывал мне о том, как много и упорно Сталин работает теоретически. Он уверял, что Сталин ежедневно несколько часов проводит за книгами, что Ленина он цитирует наизусть целыми абзацами, что с книгами, выходящими на иностранных языках Сталин систематически знакомится по конспектам специально для него составляемым. (Шефом «кабинета» Сталина по иностранным делам является сейчас, между прочим, Радек).

Не менее восторженно относятся и к Сталину и к его последнему детищу — конституции, советские специалисты, особенно из числа так называемых «непартийных большевиков». «Во всем мире только СССР неустанно движется вперед, через несколько лет мы будем самой богатой, самой передовой и самой свободной страной», — убежденно доказывал мне один экономист, еще недавно пребывавший в оппозиции.

Панического страха перед войной сейчас я не наблюдаю, но господствующее мнение, что в будущем году война неминуема. Считают, что главная задача советской дипломатии добиться положения, при котором Германия и Япония не могли бы выступить одновременно. Япония одной сейчас уже не боятся. Главный враг — Германия. Ради обороны против Гитлера стоит пойти на крупные уступки и авансы Англии... Вообще сейчас общее мнение: отношения с Англией и Францией надо закрепить и беречь независимо от того, кто у власти в этих странах.

...Финансовое положение СССР считают за последний год укрепившимся. Большую роль сыграла добыча золота. Здесь вновь повод для славословия Сталина. В самые тяжелые годы, когда золотой запас таял, Сталин, мол, угрюмо выслушал противоречивые мнения финансовых специалистов о том, какое влияние имеют запасы золота на устойчивость денежной системы, и лично дал категорическое распоряжение одному из своих ставленников, Серебрякову: в кратчайший срок, без боязни затрат, увеличить размеры добычи. Теперь, мол, добыча столь выросла, что расчетный баланс стал активен, что внешняя задолженность почти сведена к нулю и в ближайшее время червонец выйдет на мировые биржи! Практическая целеустремленность, здравый ум и дальновидность Сталина — эти черты с торжеством отмечают коммунисты при каждом случае.

Интересно отметить, что еще два года назад — это преклонение пред Сталиным было явно либо сервиллизмом, либо

выполнением обязательной партийной директивы. Теперь — не только рядовые граждане, но и ближайшие сотрудники Сталина как-то убедили себя, что на Сталине почует гениальность и в мелком и в крупном. И когда Крупская говорит о Сталине, как о «величайшем теоретике» или когда Орджоникидзе сообщает, что Сталин подписал распоряжение «своею мощною рукою», то ни окружающие, ни они сами не чувствуют даже неловкости. Не-то привыкли, не-то уверовали...

...В наших коммунистических кругах делами правительства Блюма несомненно интересуются, с любопытством читают все, что сообщают газеты о социальных мероприятиях нового правительства, одобряют тактику французских коммунистов, спрашивают людей приехавших из Франции обо всех деталях, о внутренних отношениях рабочих партий Франции, но в то же время с каким-то скрытым удовлетворением отмечают все действительные или кажущиеся неудачи Блюма и социалистической партии. Чувствуется, что на опыте Блюма проверяют свою тактику в 1917-18 гг. Мне передавали, что в коминтерновских кругах уже дважды стоял вопрос «об использовании французской ситуации для перехода к непосредственным революционным действиям» и, что оба раза перемена тактики была отвергнута. Вероятно, решающую роль сыграла международная ситуация: опасность войны.

...Опубликование конституции и обильные разговоры о правах граждан и даже о неприкосновенности личности на социалистах, находящихся в ссылке и тюрьме пока что отразились своеобразно. По чьей-то директиве или по случайным обстоятельствам, но почти повсюду на социалистов обрушились новые беды: из одного места пересылают в другое, сажая вновь в тюрьмы ссыльных, лишая права на работу, загоняют в глухие углы. Положение людей, несущих этот крест вот уже 10-15 лет, поистине трагично.

Июль 1936 г.

Впечатления американского рабочего: Далеко еще России до Америки. — Лжестахановщина. — Низкий уровень жизни. — Низкая зараб. плата. — Очереди на ситец и ботинки. — Большое неравенство. — Неприступность совет. сановников.

Старый член соц. партии Америки, рабочий-портной, работающий на большой фабрике в Нью-Йорке, на обратном пути из Москвы поделился с нами своими впечатлениями от поездки по России (Выходец из Росси, товарищ этот понимает и говорит по-русски).

Внешний облик жизни сейчас, судя на основании газговоров с родными и старыми знакомыми, гораздо лучше, чем четыре-пять лет тому назад. Теперь уже нет этой голодной погони за фунтом хлеба, как в годы 1932-33. Элементарная нужда в каждодневной пище в общем удовлетворяется. Хотя на наш американский масштаб смехотворно говорить о «зажиточной» жизни. Какая тут зажиточность, когда средний рабочий имеет кругом не больше 125-200 руб. в месяц, а килограмм масла стоит в Москве 21 рубль (даже в маленьком местечке в черноземной полосе, в котором я был, масло сто-

ZEITSCHRIFT FÜR SOZIALISMUS

Die wissenschaftlich-theoretische Monatsschrift der deutschen Sozialdemokratie stellt sich die Aufgabe, den Kampf gegen das Hitler-Regime und die Ausübung der Macht in einem befreiten Deutschland geistig vorzubereiten. Revolutionär nicht nur in der Bekämpfung des Gegners, sondern revolutionär auch in der rücksichtslosen Kritik an der eigenen Bewegung, setzt sie sich ihre Ziele: In freier Diskussion die grossen Probleme des Sozialismus und seiner Verwirklichung zu erörtern, aus der Blosslegung der Fehler in der Vergangenheit zu lernen und durch Analyse der Gegenwart die Gestaltung der Zukunft vorzubereiten.

Bezugspreise: Einzelheft — Fr. fr. 3.50; 1/2 Jahr — Fr. frs 2.20.

Заказы просим направлять через контору «Соц. Вестника».

ит 12 р.), плохие дамские ботинки 200 руб. и т. д. Кроме того, этих товаров вообще еще очень мало. В Одессе я видел, в 9 ч. утра, бесконечную очередь, человек в 500-600. Стояли за ситцем, который продавался по 2 руб. метр. Стояли с 2-3 часов ночи. То и дело милиционеры выгоняли из очереди плачущих и протестующих женщин. Милиционер сказал мне, что это спекулянтки, которые потом перепродают этот ситец по 6 руб. А одна из этих «спекулянткок», горько рыдая, жаловалась мне, что она никакой спекуляцией не занималась, хотела купить для себя, и что выгнал ее милиционер потому, что продал ее место одному известному спекулянту. Разобраться тут было, конечно, трудно, но факт тот, что товара нет. Моя родственница, которая простояла ночь в другой очереди, за ботинками (по 200 руб., т. е. по 40 долл. — у нас в Америке и цен таких никогда не слышали, у нас такие ботинки стоили бы 4 долл. да и то получше), но так их и не получила: когда до нее дошла очередь, ботинок уже больше не было.

Тем не менее, все уверяют, что теперь рай по сравнению с прошлыми годами, и все надеются, что постепенно будет становиться все легче в смысле материальном. Мое впечатление — что в России заработная плата и жалованья чересчур низкие. Как может жить человек с семьей, скажем, с малыми детьми, когда жена не может работать на фабрике, на 150 или даже на 200 р. в месяц при таких ценах? Ясно, что он должен красть, если только может. И действительно крадут много. Это там превратилось в бытовое явление и никого не возмущает: рука руку моет, да и без этого не прожить. Но ведь украденное все равно кем-то производится и как-то в народный доход входит? Так не лучше ли было бы человеку по-закону отдать то, что он все равно берет незаконно? Я многих спрашивал, не лучше ли было бы повысить зарплату, но мне отвечали, что это не по плану. Слушая это, я все вспоминал еврейский анекдот о городовом, который получал жалованья 40 руб., а пропивал 41. Где городовой брал этот лишний рубль, спрашивалось в анекдоте...

Особенно интересовал меня, конечно, вопрос о том, как налажено производство в той области, портняжной, которая мне так хорошо знакома. Что такое «стахановщина», и как она применяется в швейном деле? Ну, попал я на большую швейную фабрику, на которой работает свыше 3.000 человек. Затеялся я в состав какой-то заграничной делегации профессионалистов, которую встречали с музыкой, с цветами и т. д. Слушаю объяснения, внимательно присматриваюсь к работе. Нет, не то это. У нас в Америке лет 25 тому назад и то лучше работали. Повели нас смотреть на какого-то знаменитого стахановца, который будто бы один на 6 гладильных машинах работает. Это меня очень удивило. Хотя я сам и не гладильщик, но дело это за 30 лет работы на разных фабриках изучил достаточно. Смотрю, в большом зале стоят кругом гладильные машины, а среди них вертится один-единственный молодой человек, бледный, с измученным лицом и усталыми глазами. Краше в гроб кладут. А работает он так: на одной машине выгладит лацканы, перебежит к следующей, выгладит борты и т. д. Всего 6 машин. Пока он опять вернется к первой, пар либо перегреется, илбо остынет, надо снова регулировать. (Машины американские, отапливаемые паром). Беготня по кругу страшно утомляет и отнимает время. А к чему все это — неизвестно. Так просто игра какая-то. Ибо в Америке это раздробление гладильных операций давно уже оставлено, как нерациональное. У нас там глядят все платье на одной машине, и бегать куда не надо: стоишь на одном месте и работаешь, не теряя ни одной секунды на лишние движения и переходы. Стоял со мной рядом при осмотре этой советской «стахановщины» еще один американский рабочий, как раз гладильщик по специальности. Я ему тихонько по-английски говорю: Ну-ка, скинь сюртук, покажи, как в Америке работают. Ну, он постеснялся. Но говорит, я бы на одной машине без всяких фокусов дал в день вдвое больше костюмов, чем этот стахановец. Он безусловно был прав. Я бы на всей фабрике из 3.000 рабочих оставил одну тысячу, а выход товара увеличил бы процентов на 50, если-б мне дали фабрику организовать так, как организована в Нью-Йорке та фабрика, на которой я работаю.

Встретил я в Москве потом старого знакомого, американского коммуниста, тоже портного. Спрашиваю его, как же это так? Ну, он говорит, что и сам это понимает, но ничего нельзя сделать. Планами производства занимаются ученые про-

На складе Социал. „Вестника“ имеются следующие издания:

	ЦЕНА ВО ФРАНКАХ для подписчиков „Соц. Вестн.“	
	Вместо: 40% скид.	
Ю. Мартов: Мировой большевизм.	7,50	4,50
Ю. Мартов: В борьбе за Интернационал.	9,00	5,40
Ю. Мартов: Долой смертную казнь.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Большевизм в России и в Интернационале.	3,00	1,80
Ю. Мартов: Записки социалдемократа.	21,60	10,80
К. Каутский: Соц. Интернационал и Сов. Россия.	6,00	3,60
К. Каутский: Большевизм в тупике. Со статьей Ф. Дана «Проблемы ликвидации».	24,00	14,40
Фр. Адлер: Об отчете Английской Делегации (с предисловием Ф. Дана).	3,00	1,80
Ф. Дан: Два года скитаний.	12,60	7,60
Д. Далин: После войн и революций.	18,00	10,80
А. Югов: Народное хозяйство России и его проблемы.	31,50	19,00
А. Югов: Пятилетка. С послесловием Ф. Дана Перспективы генеральной линии.	25,00	15,00
Гр. Аронсон: На заре красного террора.	30,00	18,00
A. Jugow: Le Plan Quinquennal. ...	25,00	20,00
O. Domanewskaja: Agrarsozialismus in Sowjetrussland.	12,00	10,00
Th. Dan: Les Socialistes russes et la dictature du Proletariat.		1 fr.
R. Abramovitch: Les Prisonniers politiques dans la République des Soviets.		6 fr.
S. Schwarz: Lénine et le mouvement syndical.		6 fr.

Скидка лишь при покупке за наличный расчет!

фессора, у которых на бумаге все хорошо выходит, а практиков к делу не подпускают. Оттого повсюду гораздо больше народу, и рабочих и служащих, чем по сути дела было бы нужно.

Нет, далеко еще России до Америки, не только в смысле уровня жизни, но и в смысле организации производства и транспорта. Не знаю, как в других производствах, но в моем на четверть века от Америки отстали. А стахановщина, по моему впечатлению, только подрывает здоровье рабочих. Показывали мне в поезде какую-то знаменитую стахановку, на всю Россию ее будто бы знают. А по-моему не стахановка она, а чахоточница: вид такой, что ей действительно в санаторию надо (Она в санаторию на юг и ехала).

Очень поразило меня неравенство среди рабочих и служащих: один 69 руб. в месяц получает, а другой — 6.000. Я понимаю, что плата должна до известной степени соответствовать работе, но такие контрасты кажутся мне недопустимыми в рабочем государстве. Ведь профсоюзы во всех странах воюют за то, чтобы самые низшие ставки были настолько высоки, чтобы социальные различия между разными категориями рабочих не были так резки. А тут даже в пределах одной квалификации и одной категории и на той же фабрике, сплошь да рядом видишь, напр., одних инженеров, которые получают 200 руб., и других, которые получают 600 руб. Почему, никто не может объяснить.

Впечатление общее такое, что экономическая жизнь понемногу налаживается и улучшается, но еще потребуются немало времени и сил, пока все будет хоть сколько-нибудь приближаться к Европе и Америке.

Политических разговоров у меня было немного. Конституцию опубликовали при мне. Но никакого движения или волнения я в Ленинграде, где тогда был, не заметил. Ни кучек, ни оживленных бесед в вагоне. Из моих знакомых один коммунист мне сказал, что год тому назад никому в России и присниться не могло, что такая вещь может быть дана. Другой знакомый, старый товарищ, сказал, что, по его мнению, еще нельзя сказать, что именно конституция реально даст народу, и как он сумеет использовать тайные выборы. Но

событие во всяком случае крупное и необычное. Всем, конечно, ясно, что власть попрежнему останется в руках компартии и Сталина. А последний, насколько я мог убедиться, действительно очень популярен, и смотрят на него, как на всемогущего бога.

Не только он сам, но его приближенные кажутся народу какими-то неприступными божествами. Да оно так и есть. Хотел повидаться с одним старым приятелем, ныне коммунистом. Но куда, до него рукой не достать. Один американский коммунист, сам из видных, рассказал мне, что один из виднейших деятелей Коминтерна в Европе две недели добивался свидания с Кагановичем, да так до моего отъезда и не добился.

Крестьян видал я мало. Был в одном небольшом пригородном колхозе на Украине. Живут, на мой взгляд, хорошо. У многих новые дома, у всех свои огороды, корова, лошадь, в индивидуальном пользовании. Правда, очень много приходится отдавать правительству, и за машины, и налогами. Но все же живут. Старики уверяли, что раньше им жилось лучше и привольнее, а теперь, хотя и жить можно, а все не свое и не так. Но молодежь довольна, как будто бы.

В Ленинграде был в Музее Революции: вот это пропаганда, так пропаганда. Об исторической правде они не думают. Разыгрывалась при мне такая сценка: американская учительница спрашивает проводника из Интуриста, дававшего объяснения: А где же у вас портреты Каменева, Зиновьева, Троцкого? Гид отвечает: они предатели, и с предателями расправа коротка. Да, говорит учительница, но разве в музее показывают только праведников и святых? В музее ведь всю историю надо показывать, как она была. Но гид стоял на своем: предателей нам не нужно.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК.

Получено: 20/6, 26/6, 3/7.

Отослано: № № 15, 16, 17.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Следующий двойной номер 14/15 «Социалистического Вестника» выйдет 10-го августа.

Через контору

„Социалистического Вестника“

можно приобрести

старые русские революцион. и социалистические

**ЖУРНАЛЫ, ГАЗЕТЫ,
СБОРНИКИ, КНИГИ,
ЛИСТКИ, ПРОКЛАМАЦИИ**

ИЗДАНИЯ, вышедшие легально в гг. 1905—1907,
1911—1914 и в 1917—1918

ИЗДАНИЯ, вышедшие за-границей для пропа-
ганды в России

Брошюры Плеханова, Аксельрода, Мартова, Ленина,
Троцкого, Дана и др.

Газеты „Искра“, „Социал-Демократ“, „Пролетарий“, „Последние Известия“ и др.

Протоколы съездов и конференций.

Революционные издания на украинском, еврейском,
грузинском и армянском языках.

Журналы и газеты имеются полными
комплектами и отдельными номерами

Для просмотра списков и с запросами обращаться:

“LE COURRIER SOCIALISTE”

141, Rue Broca, bat. 11, PARIS (XIIIe)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1936 г. НА ЖУРНАЛ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центр. орган Рос. Соц.-Дем. Раб. Партии — Основан Л. МАРТОВЫМ

(16-ый год издания. — Выходит 10 и 25 числа каждого месяца)

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 80 фр., за 1/2 г. — 40 фр., за 1/4 г. — 20 фр.; для остальных стран: за год — 100 фр., за 1/2 г. — 50 фр., за 1/4 г. — 25 фр.

ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО №: для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии — 3 фр., двойного — 5 фр.; для остальных стран — 4 фр., двойного — 6 франков.

ПРЕМИИ:

При заказе непосредственно в конторе журнала и оплате подписной платы за полный год вперед — подписчик получает бесплатно по его выбору:

а) одну из следующих книг: 1) Ю. Мартов — За-

писки социалдемократа, 2) Ф. Дан — Два года скитаний, 3) А. Югов — Пятилетка (на русском или франц. языке), 4) Сочинения Г. Плеханова — т. 1 (Социализм и политическая борьба. Наши разногласия и др.). Изд. Женева, 5) Две книжки: а) Jules Martov — Le Bolchevisme Mondial и б) S. Schwarz — Lénine et le Mouvement syndical, 6) Paul Faure — «Si tu veux la paix», 7) Léon Blum — Souvenir sur l’Affaire (дело Дрейфуца), 8) B. Souvarine — Staline, 9) Arthur Rosenberg — Geschichte der Deutschen Republik.

или б) абонемент на одно из следующих изданий:

1) «Kampf» — на 1/2 г., 2) «Zeitschrift für Sozialismus» — на 1/2 г., 3) «Le Combat Marxiste» — на 1 год.

Во избежание задержки в работе экспедиции, просим заказы сдавать своевременно